



Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г.

(Изъ переписки Николая I и Цесаревича Константина Павловича съ
14 января 1830 по 15 июня 1831 года) ¹⁾.



обытія, разыгравшіяся во Франціи въ іюль мѣсяцѣ 1830 года, нашли сочувственный откликъ въ Польшѣ, гдѣ, благодаря революціонной пропагандѣ многочисленныхъ тайныхъ обществъ, существовала благоприятная почва для возстанія.

Когда изъ Парижа была получена тревожная вѣсть объ іюльскомъ переворотѣ, Императоръ Николай, предвидя возможность европейской войны, пожелалъ знать, какъ отразилось это событіе на настроеніи поляковъ; его тревожила мысль, какъ будетъ вести себя польская армія, которой, въ случаѣ похода, пришлось бы выступить вмѣстѣ съ русскими войсками, и онъ просилъ Цесаревича Константина Павловича сообщить все, что было ему извѣстно по этому поводу. „Доводятъ ли поляки свое преклоненіе передъ тѣмъ, что исходитъ изъ Парижа, до того, чтобы восхищаться происшедшими тамъ событіями?“ спрашивалъ Императоръ.

Цесаревичъ, застигнутый событіями врасплохъ, оказался плохо освѣдомленнымъ. „У насъ все спокойно, писалъ онъ въ августѣ 1830 г. ²⁾; военные и статскіе относятся къ парижскимъ событіямъ одинаково неодобрительно и осуждаютъ парижанъ за ихъ легкомыс-

¹⁾ Переписка Императора Николая Павловича съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ 1830—1831 г.г. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 132. Спб. 1911 г.

²⁾ Письма изъ Варшавы отъ 2 (14) и 13 (25) августа 1830 г.

ліе и непослѣдовательность“. Конечно „не слѣдуетъ заблуждаться и надобно имѣть въ виду, что поляки, несмотря на благосостояніе, коимъ пользуется страна, не забыли стариннаго *pactum conventa*, т. е. ежели монархъ нарушитъ чѣмъ-либо конституцію, они сочтутъ себя свободными отъ присяги; тѣмъ не менѣе, я ручаюсь, что вы можете положиться на армію и на большую часть населенія „я льщу себя надеждою, что поляки докажутъ вамъ свою вѣрность и уничтожатъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ“.

Нѣсколько дней спустя, Константинъ Павловичъ подтверждаетъ сказанное: „Здѣсь (въ Варшавѣ), писалъ онъ 30 августа (11 сентября), благодаря Бога все совершенно спокойно; событіями дня интересуются лишь изъ любопытства. Я льщу себя надеждою, что Господь даруетъ намъ тишину, и что она ничѣмъ не будетъ нарушена“, и далѣе: „если получаемыя мною донесенія, какъ я полагаю, правдивы, то общее настроеніе хорошо; военные полны усердія и преданности“.

„Взглядъ, высказанный вами на поляковъ, вполне согласуется съ моимъ мнѣніемъ о нихъ, писалъ Николай Павловичъ, въ отвѣтъ на успокоительныя увѣренія Цесаревича, а что касается моего довѣрія къ этой прекрасной и храброй арміи, то оно полное, и я не сомнѣваюсь въ ней ни минуты“.

Въ то время, какъ писались эти строки, въ Варшавѣ стало извѣстно о распоряженіяхъ Императора Николая, предвѣщавшихъ близость европейской войны. Польская армія, сочувствовавшая іюльскому перевороту также точно, какъ и все польское общество, отнеслась несочувственно къ мысли о походѣ за границу, который привелъ бы ее къ вооруженному столкновенію съ Франціей. Вообще, отношеніе поляковъ ко всѣмъ мѣропріятіямъ, исходившимъ изъ Петербурга, было отрицательное; самъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не раздѣлялъ взглядовъ Императора Николая на необходимость вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Франціи и считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ предостеречь его отъ „опрометчивыхъ рѣшеній, вмѣняя ему въ обязанность сохраненіе спокойствія и хладнокровія“. „*Vos resolutions doivent être, pour ainsi dire, timbrées du sceau de la plus grande prudence exemptes de précipitation*“, писалъ онъ.

„Я сильно сомнѣваюсь, что въ случаѣ новаго крестоваго похода противъ Франціи, какъ это было въ 1813, 14 и 15 годахъ, мы встрѣтимъ такое же усердіе и такое же воодушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ было много невыполненныхъ или обманутыхъ обѣщаній, многіе интересы пострадали; въ то время пользовались вездѣ народомъ, чтобы ниспровергнуть тяготѣвшую надъ континентомъ

тираннію Бонапарта, и не предвидѣли, что эти мѣры вскорѣ обратятся противъ насъ самихъ...

„Что мнѣ дѣлать?“ спрашивалъ Императоръ, получивъ въ половинѣ сентября извѣстіе, что правительство герцога Орлеанскаго было признано въ Лондонѣ и Берлинѣ. „Если бы я повиновался лишь велѣніямъ своего сердца и личному чувству, я никогда не призналъ бы этого ненавистнаго мнѣ правительства; но мнѣ указываютъ на необходимость согласовать свои мѣры съ тѣмъ, что предпринимаютъ нашими союзниками, ибо, въ противномъ случаѣ, они могли бы обвинить меня въ томъ, что я хочу вовлечь ихъ въ войну, которой они хотятъ во что бы то ни стало избѣжать“.

— „Вы не должны забывать“, отвѣчалъ на это Константинъ Павловичъ ¹⁾, „что вы монархъ и глава обширной имперіи, и что ваша первая обязанность согласовать интересы вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ“. „Сорокъ лѣтъ тому назадъ, я хорошо это помню, революція внушала ужасъ всѣмъ благомыслящимъ людямъ, всѣмъ классамъ общества, дворянамъ и буржуазіи, купцамъ и ремесленникамъ, всѣ смотрѣли на нее съ ужасомъ. Съ тѣхъ поръ вещи измѣнились, и я увѣренъ, что тогда какъ въ то время изъ ста человѣкъ не нашлось бы ни одного, который рискнулъ бы разинуть ротъ, чтобы оправдать революцію, и тѣмъ скомпрометтировать себя въ глазахъ общества, въ настоящее время на сто благомыслящихъ людей найдется навѣрно 25 сторонниковъ революціи... Отъ васъ зависитъ начать войну, но не отъ васъ будетъ зависѣть прекратить ее. Во время первыхъ революціонныхъ войнъ всѣ шли воевать съ энтузіазмомъ, вызваннымъ сознаниемъ долга и обуявшимъ всѣхъ страхомъ: всякій хотѣлъ сохранить свое социальное положеніе. Второй разъ, если придется, войска пойдутъ тогда по обязанности и въ большинствѣ случаевъ нехотя. Новыя идеи пустили въ новомъ поколѣніи слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было думать иначе. Вдобавокъ, интересы слишкомъ многихъ были нарушены, слишкомъ много данныхъ обѣщаній осталось невыполненными, чтобы можно было рассчитывать на единодушное участіе всѣхъ въ общемъ дѣлѣ. Главными дѣятелями первыхъ революціонныхъ войнъ были нѣмецкіе князья и дворяне—владѣтели имѣній, по обоимъ берегамъ Рейна, и надобно сознаться, что они дѣйствовали ревностно, но при заключеніи мира они же были первыми жертвами; они были лишены всѣхъ своихъ правъ и изъ владѣтельныхъ князей превратились въ подвластныхъ великимъ державамъ. Я слышалъ собственными ушами, какъ эти

¹⁾ Письмо изъ Варшавы отъ 21 сентября (3 октября).

господа и представители знатныхъ фамилій высказывали взгляды, проникнутые самымъ якобинскимъ духомъ... За послѣднія 15 лѣтъ либерализмъ или якобинство,—что для меня синонимы, сдѣлали невѣроятные успѣхи; всюду распространяется какой-то космополитизмъ, ведущій къ индифферентизму. Возможно ли было у насъ въ 1812, 13, 14 и 15 годахъ подумать, чтобы въ Петербургѣ могъ вспыхнуть бунтъ? Но разъ это случилось, развѣ это не можетъ повториться? въ особенности въ томъ случаѣ, когда войска будутъ за границей, и война будетъ начата по нашему почину. Сосѣднія съ Франціей государства не могли не признать новаго порядка вещей; и если вы, будучи связаны съ ними трактатами, не сдѣлаете того же, то вы оставите ихъ передъ альтернативой сдѣлать выборъ между вами и Франціей, ибо послѣдняя скажетъ имъ: „Вы признали наше правительство, почему же вашъ союзникъ не признаетъ насъ? Выбирайте между нами и Россіей, иначе мы объявимъ вамъ войну“.

Высказывая, какъ „повелѣвалъ ему долгъ“, съ полной откровенностью свои мысли, совершенно расходившіяся съ петербургскими воззрѣніями, Константинъ Павловичъ твердо рѣшилъ, какъ онъ и высказывалъ неоднократно въ письмахъ къ Императору, что „если онъ будетъ вынужденъ дѣйствовать вопреки своему мнѣнію, то онъ исполнитъ это съ обычнымъ послушаніемъ, сохраняя свой взглядъ на вещи“, но на предложеніе императора пвѣрить ему, въ случаѣ войны, главное командованіе арміей, онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „я бы ничего не имѣлъ противъ этого, писалъ Цесаревичъ, если бы одного усердія и преданности могло быть достаточно, но честь повелѣваетъ мнѣ напомнить Вамъ, что я никогда не командовалъ арміей противъ непріятели. Связанная съ этимъ отвѣтственность огромна и превышаетъ мои способности. Я готовъ исполнить все, что Вы пожелаете, подъ чье бы начальство Вы меня не поставили; Богу извѣстно, что я говорю истинную правду“.

Высказавъ совершенно опредѣленно свое отрицательное отношеніе къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла Франціи, Цесаревичъ въ цѣломъ рядѣ писемъ настойчиво повторяетъ совѣтъ „не дѣлать опрометчивыхъ шаговъ, не дѣлать ничего поспѣшно, а дѣйствовать спокойно и хладнокровно“.

Что касалось настроенія Польши—Цесаревичъ до послѣдняго момента былъ совершенно спокоенъ и, несмотря на свою тайную полицію и на многочисленныхъ агентовъ, пребывалъ въ полномъ невѣдѣніи и ничего не зналъ о готовившемся возстаніи. Изъ его писемъ и донесеній Императору Николаю I видно, „въ какой неизвѣстности сдумѣли держать его варшавскія гражданскія и военныя власти

относительно настоящаго настроенія умовъ въ управляемомъ имъ краѣ“; онъ долженъ былъ въ послѣдствіи откровенно сознаться, что „всѣ мѣры надзора, принятыя имъ, оказались бесполезны“.

Въ то время, когда въ Варшавѣ, съ октября 1830 года, образованъ былъ комитетъ для непосредственнаго распространенія возстанія во всей странѣ и намѣченъ даже составъ будущаго правительства, Великій Князь продолжалъ доносить Государю 13-го, 22-го октября и 3-го ноября; „здѣсь все спокойно, и я льщу себя надеждою, что, съ помощью Божіей, такъ будетъ и впредь“¹⁾. Еще за недѣлю до возстанія онъ полагалъ, что въ Польшѣ все обстоитъ благополучно, и что спокойствіе ничѣмъ не будетъ нарушено; продолжалъ плѣнять себя несбыточными надеждами; и даже 10 (22) ноября нашелъ возможность писать О. П. Опочинину: „у насъ, слава Богу, доселѣ все смирно и по старому, и я надѣюсь на благость Его, что такъ и останется“²⁾ а, 17 (29) ноября въ Варшавѣ вспыхнула революція, мятежники ворвались въ Бельведеръ, и польская армія обратила свое оружіе противъ Россіи.

Императоръ Николай получилъ отъ Цесаревича первое донесеніе о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы только 25 ноября (7-го декабря).

„Да будетъ воля Господня! — писалъ Императоръ, — Мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы спасти Васъ... Мы трепещемъ за Васъ, но если бы даже Намъ пришлось погибнуть всѣмъ, Мы спасемъ Васъ; это—обѣтъ всецѣло преданнаго Вамъ на жизнь и на смерть Николая“.

Два дня спустя, 29 ноября (11 декабря), онъ писалъ Цесаревичу вторично и между строкъ начерталъ лимономъ нѣкоторыя указанія, касающіяся его дальнѣйшихъ дѣйствій.

„Держитесь твердо того, что Вами было заявлено. Если войско откажется повиноваться Вамъ и перейдетъ на сторону непріятеля (чему я не хочу вѣрить), отступите, не теряя ни минуты; если вы увѣрены въ уланахъ Вейсенгофа, перейдите Вислу у Пулавъ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ и отступите къ Розену, который будетъ ожидать васъ въ Брестѣ. Но если это не будетъ удобно, идите какъ можно скорѣе къ Сандомиру. Въ Австріи уже отданы приказанія принять васъ съ войскомъ. Гнусности, которыя совершаются и говорятся въ Варшавѣ, до того безумны, что Мы еще не можемъ

¹⁾ Сборн. Имп. Ист. Общ. т. 132, стр. I.

²⁾ Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Павловичъ, его жизнь и царствованіе, т. II, стр. 320.

въ нихъ разобратся! Умоляю Васъ, и въ случаѣ надобности, приказываю Вамъ не дѣлать никакихъ уступокъ и не давать обѣщаній въ родѣ тѣхъ, какія они намѣрены, повидимому, требовать. Перваго января мы введемъ въ Польшу 100 тысячъ человекъ. Бога ради, извѣщайте насъ возможно чаще о принимаемыхъ Вами рѣшеніяхъ; я также постараюсь освѣдомлять Васъ обо всемъ. Вы ничего не пишете о томъ, какія приказанія даны Вами прочимъ войскамъ; это ставитъ насъ въ весьма затруднительное положеніе.

Мужайтесь, покоряйтесь безропотно волѣ Провидѣнія и уповайте на Бога“!

Изъ третьяго донесенія, полученнаго отъ Цесаревича, Государь узналъ, что Константинъ Павловичъ разрѣшилъ оставшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву; взамѣнъ чего явившіеся къ Цесаревичу въ Вержбну депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ Имперіи.

Это снисхожденіе, по мнѣнію Бенкендорфа ¹⁾, поддержало и скрѣпило бунтъ, давъ возможность принять въ немъ участіе всей польской арміи, большая часть которой еще выжидала, по крайней мѣрѣ, по виду, дальнѣйшихъ указаній Цесаревича.

„Отъѣздъ Цесаревича, со слабою и больною женою и съ нѣсколькими приближенными къ нему лицами изъ Варшавы, совершился при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, во время сильнѣйшей распутицы. Одновременно съ ними выступили оттуда русскія войска. Такъ какъ все это случилось совершенно неожиданно, то не только у солдатъ и у офицеровъ, но и у великокняжеской четы не доставало самаго необходимаго. О всѣхъ невзгодахъ и трудностяхъ пути Цесаревичъ писалъ однако безъ всякаго раздраженія и заботился болѣе всего облегчить участь находившагося при немъ отряда ²⁾.

„Вотъ мы, русскіе, у границы, писалъ Цесаревичъ изъ Влодавы 1 (13) декабря 1830 г., но, великій Боже, въ какомъ положеніи, почти босикомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто... Однимъ словомъ, мы въ самомъ жалкомъ положеніи, и намъ остается идти еще три дня до Бржесца. Моя бѣдная жена чуть не умерла въ дорогѣ, но Господь подкрѣпляетъ ее, и она выказываетъ сверхъестественную энергію. Мы захватили съ собой, что могли; жена моя по оплошности служанокъ не взяла почти ничего; у нея всего

¹⁾ Шильдеръ, т. II, стр. 324.

²⁾ Сб. Имп. рус. ист. общ., т. 132, стр. II.

только три рубашки. Намъ нуженъ отдыхъ, чтобы придти въ себя... что касается дальнѣйшаго хода мятежа, я посылаю Вамъ офиціальное донесеніе на основаніи того, что мнѣ извѣстно“.

„Константинъ Павловичъ долгое время не отдавалъ себѣ отчета въ единодушномъ революціонномъ настроеніи польскихъ войскъ и польскаго народа. Онъ писалъ Государю, что мятежъ былъ дѣломъ небольшой кучки экзальтированныхъ подпрапорщиковъ и студентовъ, которымъ удалось увлечь за собою генераловъ, офицеровъ и нѣсколько полковъ—здоровая же часть населенія искренно порицаетъ это движеніе. Тѣмъ тяжелѣе ему было потомъ, видя все болѣе и болѣе распространяющееся возстаніе, убѣдиться въ противномъ и сознаться, что 16-ти лѣтніе труды его сдѣлать изъ поляковъ преданныхъ и благодарныхъ русскому Государю подданныхъ оказались безплодны“.

„И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компанією, говорятъ онъ въ вышеприведенномъ письмѣ. „Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ Вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ, кто только владѣетъ хоть какимъ-нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты, не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку. Однимъ словомъ, положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого, по благодати Божіей, выйдетъ. Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться... Я сокрушенъ сердцемъ; на 51½ году жизни и послѣ 35½ лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ“.

„Молю Бога, чтобы эта армія, которой я посвятилъ шестнадцать лѣтъ жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признавъ свое заблужденіе прежде, чѣмъ противъ нея будутъ приняты повудительныя мѣры. Но это было бы слишкомъ хорошо для вѣка, въ которомъ мы живемъ, и я сильно сомнѣваюсь въ осуществленіи моихъ желаній“.

30 ноября (12 декабря) прибыли во Влодаву къ Цесаревичу князь Любоцкій и членъ сейма графъ Езерскій, посланные къ нему новымъ варшавскимъ правительствомъ съ просьбою пропустить ихъ черезъ границу. Они были отправлены въ Петербургъ въ качествѣ депутатовъ для переговоровъ съ Императоромъ Николаемъ, которому они должны были представить домогательства Польши и просить о возстановленіи королевства въ прежнихъ предѣлахъ.

Чрезвычайно любопытно повѣствованіе о свиданіи ихъ съ Императоромъ, на которое Цесаревичъ возлагалъ большія надежды.

Чтобы отстранить всякую мысль о томъ, что имъ была допущена какая-либо депутація отъ мятежниковъ, Императоръ Николай не принялъ Любецкаго и Езерскаго вмѣстѣ. Князь Любецкій призванъ былъ къ Государю въ качествѣ министра, а Езерскій принятъ былъ, какъ простой путешественникъ ¹⁾.

„Какъ только я былъ извѣщенъ о приѣздѣ Любецкаго и Езерскаго, писалъ Николай Павловичъ Цесаревичу 19 (31) декабря, я отдалъ приказаніе не позволить имъ подойти ближе Нарвы и черезъ Грабовскаго велѣлъ увѣдомить ихъ, что если они являются въ качествѣ депутатовъ правительства или власти, которыхъ я не могу признать, то они не могутъ быть допущены ко мнѣ, или даже оставаться здѣсь. На это Любецкій отъ имени ихъ обоихъ написалъ отвѣтъ, который я приказалъ напечатать въ газетахъ, что онъ никогда не принялъ бы подобнаго порученія, и что онъ является въ качествѣ члена *Моего* правительства для того, чтобы представить отчетъ о происшедшемъ, что г. Езерскій сопутствуетъ ему. Это было то, что требовалось и для *Меня самого*, и для тѣхъ, кто здѣсь, и для тѣхъ, кто тамъ. Итакъ они приѣхали; я собралъ у себя Михаила Волконскаго, Толстого, Нессельроде и Грабовскаго (*которымъ Я какъ нельзя болѣе доволенъ*) и призвалъ Любецкаго одного. Онъ явился, какъ всегда, здравъ носъ кверху и очень весело принялся повѣствовать. Я обошелся съ нимъ весьма холодно, ибо, какъ членъ правительства, онъ отчасти отвѣтственъ за вполнѣ основательныя жалобы, которыя можно предъявить къ административному совѣту, и въ особенности за надменность, съ какою онъ высказывалъ парадоксы, которые едва не вывели изъ терпѣнія *даже* самого Грабовскаго. Послѣ полтора часового разговора я отпустилъ его. Въ тотъ же вечеръ, я велѣлъ сказать черезъ Бенкендорфа Езерскому, путешественнику, что Я буду имѣть удовольствіе видѣть его у Себя. Онъ привелъ его ко мнѣ; какъ только онъ вошелъ въ комнату, онъ бросился передо Мною на колѣни, рыдая, какъ ребенокъ, Я съ трудомъ успокоилъ его, и послѣ того какъ Я обнялъ его, мы усѣлись всѣ трое, и Я предложилъ ему рассказать все то, что онъ желалъ передать Мнѣ. Онъ повторилъ мнѣ почти все то, что я уже зналъ отъ васъ, Гауке и Любецкаго. Все, что онъ высказалъ, было проникнуто самымъ лучшимъ духомъ. Когда онъ кончилъ, я попросилъ его на мгновеніе стать на мое мѣсто и сказать Мнѣ, что *Мнѣ следовало бы сдѣлать*. Онъ испустилъ громкое восклицаніе и ска-

¹⁾ Н. К. Шильдеръ, т. II, стр. 326.

залъ, что одинъ лишь Богъ можетъ вдохновить Меня. Я спросилъ его, читалъ ли онъ воззваніе; онъ сказалъ мнѣ, что „да“, и что оно хорошо для честныхъ людей, но что оно не прощаетъ виновныхъ, и что эти изверги (*ces diables*) нарочно замѣшали въ дѣло какъ можно болѣе лицъ, чтобы быть увѣренными, что ихъ не оставятъ и не предадутъ. Я отвѣтилъ ему, что гнѣваюсь только на убійцъ, что остальные должны быть увѣрены въ Моемъ прощеніи. Я указалъ ему, что случаю угодно было, чтобы именно сегодня, 14-го декабря, баталіонъ, занимавшій у Меня караулъ, былъ тотъ же самый гвардейскій экипажъ, который пять лѣтъ тому назадъ былъ противъ меня; что вслѣдствіе этого приведенный примѣръ доказываетъ, что я найду средство не только простить, но также дать войскамъ случай очистить себя въ *своихъ собственныхъ глазахъ*. Онъ нашелъ эту мысль очень хорошою, въ особенности, если для этого не будетъ избрана *Азія*; *Азія* или нѣтъ, сказалъ я, но нужно искать случая возстановить честь,—и онъ согласился, что это вѣрно. Тогда ему пришла мысль, чтобы я созвалъ сеймъ; я замѣтилъ ему на это, что я, безъ сомнѣнія, могъ бы сдѣлать это, но что они сами приняли на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, и что мнѣ уже не приличествуетъ мѣшаться въ это, но я предлагаю вамъ другое средство, сказалъ я, столь же дѣйствительное: вы возвратитесь въ Варшаву, вы нунцій, устройте же такимъ образомъ, чтобы утвердили диктатора; сдѣлайте болѣе, если вы увѣрены въ большинствѣ своихъ сотоварищей, предложите и даже потребуйте отъ диктатора, чтобы онъ наказалъ виновныхъ, то есть тѣхъ, которые убили своихъ начальниковъ и нарушили всѣ требованія дисциплины, вы мнѣ окажете величайшую, какую только можно, услугу, потому что, повторяю вамъ, роль палача отталкиваетъ меня, и я хочу пользоваться лишь своимъ правомъ миловать. Если вы дорожите тѣмъ, чтобы смыть съ себя пятно, марающее вашу армію, вашъ народъ, то вы очистите себя въ глазахъ вашего Государя, вашего отечества и всей Европы.

„Ну, такъ я сдѣлаю это“,—сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ.

— И васъ повѣсятъ, отвѣчалъ я ему.

„Все равно, я сдѣлаю это“.

„Такимъ образомъ мы разстались очень довольные другъ другомъ.

Два дня спустя, онъ, весь возбужденный, является къ Бенкендорфу и говоритъ ему:

— Я нашелъ вѣрное средство устроить все.

— Что такое?

— Пусть императоръ скажетъ: поляки! я недоволенъ вами! Вы обезчестили себя, но Я предлагаю вамъ средство поправить все: сейчасъ же двиньтесь на Галицію и Познань—Я даю вамъ ихъ!“

Бенкендорфъ вытаращилъ глаза отъ удивленія и спросилъ его, не сошелъ ли онъ съ ума.

„Почему?“ было его отвѣтомъ. Тогда тотъ перечислилъ ему все, что заключалось въ подобной мысли безразсуднаго, и очарованіе исчезло; онъ согласился со всѣмъ. Однимъ словомъ, они всѣ болѣе или менѣе страдаютъ разсудкомъ. Я не умѣю объяснить этого иначе“.

„Какъ я узнаю обоихъ (Любецкаго и Езерскаго) въ томъ, какимъ образомъ они исполнили возложенную на нихъ миссію, воскликнулъ Цесаревичъ, прочитавъ письмо Императора Николая, это меня не удивляетъ, но я не могу умолчать о томъ, что всѣ факты переданы Любецкимъ въ столь извращенномъ видѣ, что это можно объяснить только замятованіемъ, либо желаніемъ придать фактамъ иную окраску“. „Впрочемъ, чистосердечіе всѣхъ этихъ господъ сомнительно болѣе чѣмъ когда-либо; объ этомъ свидѣлствуютъ событія. Всѣ сознаютъ болѣе или менѣе свою вину и, стараясь выгородить себя, усугубляютъ ее, запутывая возможно большее число людей... да прости ихъ Господь въ Своемъ милосердіи; я повторю слова Господа нашего: „Отче, прости ихъ, не вѣдаютъ бо что творятъ“... Я такъ ошибся во всѣхъ этихъ людяхъ, которые отплатили мнѣ неблагодарностью, что мнѣ позволительно будетъ, на закатѣ дней моихъ, стать болѣе осмотрительнымъ... единственно о чемъ я молю Господа, это чтобы армія, которой я посвятилъ 16 лѣтъ своей жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести и признала свое заблужденіе прежде, нежели противъ нея будутъ употреблены понудительныя мѣры“¹⁾.

Не злобою, не жаждою мести проникнуты слова Великаго Князя, они дышатъ глубокой скорбью,—скорбью человѣка, которому довелось видѣть крушеніе всей своей многолѣтней дѣятельности, который былъ уязвленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ и встрѣтилъ вражду и непониманіе въ тѣхъ, на любовь которыхъ онъ рассчитывалъ.

„Ему было тяжело сознаться, что шестнадцатилѣтнія его старанія сдѣлать изъ поляковъ преданныхъ и благодарныхъ русскому Государю подданныхъ оказались безплодны; но его привязанность къ полякамъ была настолько глубока, что, забывая какъ личное горе, причиненное ему мятежниками, такъ и разстройство, внесенное ими въ государственный организмъ, онъ взывалъ къ милосердію и кротости Монарха, увѣряя Его, что прощеніемъ можно скорѣе и

¹⁾ Письмо изъ Орлы, отъ 26 декабря 1830 г.

успѣшнѣе возстановить порядокъ въ охваченномъ революціею краѣ, чѣмъ вооруженною силою“.

Приводимыя ниже выдержки изъ писемъ Цесаревича за декабрь 1830 г. и январь 1831 г. рисуютъ его душевное состояніе и говорятъ о томъ, что всѣ его помысли были заняты въ то время исключительно дальнѣйшею судьбою поляковъ и желаніемъ смягчить гнѣвъ Императора и склонить его къ великодушію и къ прощенію. „Я истерзанъ (*tout meurtri*) всѣмъ случившимся, писалъ Константинъ Павловичъ изъ Бржесца 8 (20) декабря 1830 года; я не могу понять, какъ люди, по существу честные и порядочные, могли безъ всякой причины, позабывъ присягу вѣрноподданнаго и военнаго, присоединиться къ кучкѣ виновныхъ и дѣйствовать съ ними заодно, чтобы спасти ихъ отъ наказанія, прикрывая этотъ сумбуръ понятій именемъ патриотизма. Тѣмъ не менѣе, дорогой братъ, я полагаю, что великодушіе произведетъ больше впечатлѣнія, нежели сила. Проявите ли Вы великодушіе или силу, я все же осмѣливаюсь просить Васъ о великодушіи“.

„Повторяю, совѣсть до сихъ поръ ни въ чемъ не укоряетъ меня, и я заранѣе умоляю васъ о состраданіи къ тѣмъ, кои хотѣли посягнуть на мою жизнь и ворвались въ мой домъ; Богъ видитъ, что въ сердцѣ моемъ я не помню зла. Дай Богъ, чтобы все могло устроиться въ законномъ порядкѣ, безъ пролитія крови“¹⁾.

„Я ничего не добиваюсь для себя, я повторяю себѣ каждый день, что моя общественная роль кончена, послѣ всѣхъ непріятностей, измѣнъ и гнуснѣйшаго вѣроломства, коими я былъ одураченъ въ награду за 16 лѣтъ труда, искренности и лояльности. И тѣмъ не менѣе я повторяю, что величайшее хладнокровіе, величайшая доброта и милосердіе нужны болѣе чѣмъ когда-либо и будутъ дѣйствительнѣе силы“²⁾.

...„Когда весь народъ ставитъ патриотизмъ выше присяги, выше долга,—возможно ли предотвратить бѣдствіе? Наканунѣ событія, у меня были князь Чарторыйскій и Ельскій; они высказывали самыя достохвальныя чувства (*des sentiments tout à fait honorables*), а на другой день, въ ночь, и впоследствии въ Вержбнѣ, князь Чарторыйскій былъ ярымъ патриотомъ. Шестнадцатилѣтніе труды лопнули самымъ гнуснымъ образомъ въ награду за довѣріе и за сдѣланное добро.

„Кицкій и Шидловскій, все время говорившіеся больными, доказали, что они были больны не такъ серьезно, такъ какъ они испол-

¹⁾ Письмо изъ Великолитовска, отъ 13 (25) декабря 1830 г.

²⁾ Изъ Высоколитовска, отъ 17 (29) декабря.

няютъ обязанности адъютанта у Хлопицкаго и т. д. Что можно ожидать отъ людей, которые ни во что не вѣрятъ, пропитаны ложными принципами и ставятъ патріотизмъ выше всего“¹⁾.

Незлобіе и доброе сердце Константина Павловича высказались еще разъ въ полномъ блескѣ въ письмѣ изъ Бржестовицы, отъ 1-го (13-го) января 1831 года; посылая Императору Николаю свои вѣрноподданническія поздравленія и пожеланія наилучшихъ успѣховъ, онъ прибавилъ:

„Но я не могу сдѣлать этого, не осмѣлившись еще разъ поручить вашему милосердію заблудшій народъ, члены котораго не всѣ виновны, а виновны именно тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата. Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ—это мольба брата, имѣвшаго несчастіе изъ послушанія посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны. Моя общественная роль кончена; послѣ всего того, что случилось со мною, въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня“. Выражая желаніе остаться при своемъ, гвардейскомъ отрядѣ, выведенномъ имъ изъ Варшавы, Цесаревичъ добавляетъ: „Потерпите, чтобы я остался съ нимъ, ихъ судьба будетъ моею. Если же тѣмъ не менѣе вы полагаете, что я долженъ разстаться съ нимъ, разрѣшите мнѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ и сдѣлаться совершеннымъ ничто (absolument nul), чѣмъ,—я чувствую это все болѣе и болѣе,—я являюсь въ дѣйствительности“.

Какъ отозвался Императоръ Николай на просьбы и увѣщанія своего августѣйшаго брата о помилованіи мятежныхъ поляковъ? На это даютъ отвѣтъ его письма къ Цесаревичу за это тревожное время.

Онъ нѣ захотѣлъ испытать предлагавшійся ему способъ усмиренія Польши.

„Я исполню свой долгъ по отношенію къ отечеству и къ Польшѣ, писалъ Государь по полученіи отъ Цесаревича извѣстія о ноябрьскихъ событіяхъ въ Варшавѣ, и заставляю уважать ихъ достоинство“²⁾.

„Ничего не зная о васъ, я вынужденъ принять какое-нибудь рѣшеніе... я не могу поступить иначе. Если бы вамъ довелось перейти нашу границу, я умоляю васъ *ничего не измѣнять* въ данныхъ мною приказаніяхъ, во избѣжаніе могущей произойти путаницы“³⁾.

¹⁾ Писано въ Высоколитовскѣ, 24-го (5-го января 1831 г.).

²⁾ Письмо отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1830 г.

³⁾ Письмо отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1830 г.

„Негодование охватило здѣсь (въ Петербургѣ) всѣхъ, и все, что я могу сдѣлать, это *овладѣть общественнымъ мнѣніемъ*; пока это мнѣ удалось, такъ какъ всѣ убѣждены въ томъ, что я *никогда не уступлю насилію*. Первымъ нашимъ движеніемъ было *всѣмъ* летѣть вамъ на помощь—это чувство раздѣлялось всѣми. Не думайте, что мое сердце жаждетъ мести; оно настроено миролюбиво; и хотя бы это даже не согласовалось съ моими убѣжденіями, — но я христіанинъ, и моя обязанность какъ такового взяла бы верхъ. Доказательствомъ того служить прилагаемое воззваніе, которое я стараюсь распространить въ Польшѣ ¹⁾. Но что мнѣ дѣлать, если поляки въ своемъ ослѣпленіи будутъ упорствовать въ своей измѣнѣ и въ своемъ безуміи? Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хотя мгновеніе? Вы сами развѣ не поступили бы такъ? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня въ отношеніи поляковъ, и я могу утверждать, что она ни въ чемъ не будетъ упрекать меня; я исполню въ отношеніи ихъ всѣ свои обязанности, до послѣдней возможности; я не напрасно принесъ присягу, и я не отрѣшился отъ нея; пусть же вина за ужасныя послѣдствія этого событія, если ихъ нельзя будетъ избѣгнуть, всецѣло падетъ на тѣхъ, которые повинны въ немъ! Аминь... я высказываю вамъ съ полной откровенностью свои взгляды и прошу васъ также довѣрчиво изложить мнѣ ваши мысли, но я настаиваю на томъ, на чемъ *убѣжденіе повелѣваетъ мнѣ настаивать*, въ виду моей отвѣтственности. Вы сдѣлали *все, что могли*, чтобы пресѣчь и уменьшить зло. На ваши благодѣянія отвѣтили самой подлой измѣной; могу ли я осудить васъ за излишнюю довѣрчивость?

...Я вполнѣ вѣрю тому, что есть много заблудшихъ, и много, какъ вы говорите, глубоко несчастныхъ; рассчитывая на это, я еще разъ обратился къ лояльности и чести націи и арміи ²⁾. Вотъ нѣсколько экземпляровъ воззванія, обнародованнаго по моему приказанію въ Польшѣ; мнѣ кажется, что оно написано сдержанно и въ то же время твердо“ ³⁾.

Ознакомившись съ этимъ воззваніемъ, Цесаревичъ отнесся къ нему скептически, равно какъ и многимъ другимъ мѣропріятіямъ, исходившимъ изъ Петербурга.

„Ваше воззваніе къ полякамъ, какъ оно ни прекрасно, не мо-

¹⁾ Въ этомъ воззваніи къ войскамъ и народу Царства Польскаго выражалась готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу.

²⁾ Вслѣдъ за воззваніемъ, которое было обнародовано 5-го (17-го) декабря, появился 12-го (24-го) декабря такого же содержанія манифестъ.

³⁾ Письмо отъ 8-го декабря 1830 г.

жетъ, по моему мнѣнію, произвести того полезнаго дѣйствія, какого вы отъ него ожидаете, писалъ Константинъ Павловичъ, ибо мятежь ведется энергично, и два засѣданія такъ называемаго сейма признали неограниченную власть Хлопицкаго и объявили его дѣло—дѣломъ всей націи. Это шагъ чрезвычайно важный, который можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія, въ особенности для людей, ставящихъ отечество выше присяги и выше всего на свѣтѣ. Дай Богъ, чтобы ваше воззваніе произвело какое-нибудь дѣйствіе, никто такъ не желаетъ этого, какъ я, но я сильно сомнѣваюсь въ этомъ; я ожидаю отъ него совершенно обратнаго дѣйствія; кто правъ—покажетъ время“.

Убѣдившись окончательно въ томъ, что вооруженное столкновение съ мятежной Польшею было неизбежно, Императоръ писалъ Цесаревичу 19-го (31-го декабря) 1830 г.

„Желая приготовиться ко всему, я предложилъ женѣ отвѣтъ вмѣстѣ, не зная, будетъ ли Богу угодно позволить намъ быть вмѣстѣ въ такое время, когда мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать это; по крайней мѣрѣ, мы причастимся, и я прошу у васъ обоихъ прощенья и вашего благословенія; да сподобитъ меня таинство, къ которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствіе духа, въ которыхъ съ каждымъ днемъ я все болѣе нуждаюсь, и которыя я тщетно искалъ бы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ тамъ, откуда истекаетъ милосердіе и сила“.

„Я надѣюсь, вы убѣдились теперь, писалъ Николай Павловичъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, что я готовъ испробовать всѣ средства, совмѣстныя съ честью *того лица*, которое я представляю, и съ моею совѣстью, чтобы вернуть къ разуму заблудшую націю; но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это средство, *которое я предпочитаю*, привело бы насъ къ желаемому результату“¹⁾.

„Предвидя все, что должно происходить въ вашей душѣ и въ вашемъ сердцѣ, такъ глубоко оскорбленномъ (*froissé*) той неблагодарностью, которую вамъ пришлось видѣть и испытать, я не могу не признаться себѣ въ томъ, какъ тяжело вамъ будетъ сражаться противъ тѣхъ, которые должны были остаться вѣрны присягѣ и *быть подъ вашей командою*. Я опасаясь, что эта перспектива весьма вѣроятна; но твердо помните, что я исчерпалъ всѣ *средства*, чтобы вернуть этихъ безразсудныхъ на путь разума; сдѣлать большее превосходить мое пониманіе, такъ какъ это было бы несовмѣстимо съ честью лица, которое я представляю, и съ честью имперіи, не-

¹⁾ Письмо отъ 13-го (25-го) декабря 1830 г.

достойнымъ образомъ оскорбленной; такимъ образомъ насъ заставить сражаться не мечь, а необходимость“.

Поздравляя Цесаревича съ новымъ 1831 годомъ и высказывая ему наилучшія свои пожеланія, Государь присовокуплялъ:

„Трудно прозрѣть будущее, но, соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣсивая различныя вѣроятія успѣха, трудно предположить, чтобы новый годъ оказался для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ—возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать, прежде чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого. *Кто изъ двухъ долженъ погибнуть*;—такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо, — *Россія или Польша?* Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможные средства, чтобы предотвратить подобное несчастье; средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать? „Озеровъ прибылъ курьеромъ изъ Вѣны... все, что онъ говоритъ, доказываетъ, что Варшаву и войско окончательно обуряло безуміе; такъ онъ видѣлъ *собственными глазами*, что солдаты прѣзжали на смотрѣ въ коляскахъ, сидя на первомъ мѣстѣ, сложивъ поперекъ ружья, а офицеры сидѣли впереди и тысячу тому подобныхъ вещей“¹⁾.

„Я вполне понимаю ваши чувства, и что вы не желаете разстаться съ вашей храброй и прекрасной гвардіей, но, предвидя, что ей придется слѣдовать за арміей въ качествѣ резерва, когда она должна будетъ вступить въ королевство, я не могъ не сказать себѣ, что вамъ будетъ ужасно сражаться съ тѣми, которые должны бы находиться подъ вашимъ началомъ, и поэтому, я предложилъ вамъ обождать прибытіе гвардейскаго корпуса, который, подойдя позднѣе, составитъ, вѣроятно, резервъ арміи и присоединится затѣмъ къ вашему резервному корпусу: и такимъ образомъ вся гвардія соединится впоследствии подъ вашей командою... впрочемъ, какъ бы ни захотѣли поступить, все будетъ одобрено мною... говорятъ, будто партія сумасбродныхъ рѣшила объявить о нашемъ низложеніи, по примѣру брюссельскихъ революціонеровъ“²⁾.

„Вамъ уже извѣстно, вѣроятно, сообщалъ Государь два дня спустя³⁾, что мы получили вчера черезъ Берлинъ. Я говорю о воз-

¹⁾ Письмо отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

²⁾ Письмо отъ 8-го (20-го) января 1831 года.

³⁾ Письмо отъ 10-го января 1831 года.

званіи поляковъ; несомнѣнно, что послѣ этого не остается никакой надежды на примиреніе; развѣ тѣ немногочисленные благо-разумные люди, которые еще остаются, возьмутъ верхъ, что кажется весьма мало вѣроятнымъ. Въ воззваніи есть статья, въ которой взываютъ къ русскимъ, говоря: „развѣ между вами нѣтъ болѣе Пестелей, Муравьевыхъ и Бестужевыхъ?“ — Все это ясно. Богъ мнѣ свидѣтель, что я не желаю ни войны, ни мести; но что мнѣ дѣлать съ этими негодьями? (*ces misérables*). Они сами истребятъ себя, а не мы“.

Три дня спустя послѣ того, какъ были начертаны эти строки, война стала неизбежной: 13-го (25-го) января 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишеною польскаго престола.

Императоръ Николай отвѣтилъ на это:

„13-го сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присваивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный Императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломыслии исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ“.

Въ день изданія манифеста главныя силы русской арміи перешли границы Имперіи и вступили въ Царство Польское. •

В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

